

Несмотря на все сомнения и опровержения, звучащие на протяжении вот уже трёх десятилетий, мы по-прежнему живём в литературоцентричной стране, в словоцентричной культуре.

В XX веке литература шла в ногу с революционными событиями, воодушевляла предвоенный модернизационный прорыв, перо приравнялось к штыку в годы Великой Отечественной... Пытаюсь обозначить новый образ мира, поэзия собирала стадионы в 1960-е, в последние десятилетия советского периода ставила мучительные вопросы проза – и на протяжении большей части века многонациональная литература страны работала как мощный эктропический фактор, культурный регулятор, тонкий и точный инструмент упорядочивания жизни социума.

С 1990-х началась другая эпоха. Но для России она началась так же, как всегда это происходит в шаткие времена. В одночасье различными способами отлученные от литературы, в ситуации практически полного обрушения литературных коммуникаций, среди развалин империи многие наши сограждане начали восстановление нормальной жизни с самих себя – а это значит, со слова. Литературные кумиры прошлых лет отошли на второй-третий план, началась разнуданная кампания по развенчиванию классики, разгулялся постмодерн провинциального разлива, родились первые ПИПы – персональные издательские проекты, и одновременно миллионы – а это не преувеличение, как позже показали порталы «Стихи.ру» и «Проза.ру», – писали «для себя» стихи и прозу.

Прежняя литературная иерархия разрушилась, профессиональная литература разделилась на три нешироких потока. Первый – литература глубинная, традиционно решающая нравственные вопросы, мало публикуемая и почти не известная широ-

кому читателю. Второй – коммерческая, активно играющая на понижение качества и потакающая примитивным, а порой и низменным запросам широкой публики. И наконец, третий поток – идеологически акцентированная литература, формирующая идеи и образы, заказываемые «хозяевами денег».

В этой ситуации каждый осознающий себя человек был вынужден строить главные смыслы своей жизни самостоятельно, и большинство – именно посредством слова. Литература ушла в народ и растворилась в народе, потеряв при этом довольно многое в отношении профессиональном, но сохранив главный прикладной смысл своего существования – осмысление своего бытия.

Сегодня, при так и не сформировавшейся национальной литературной иерархии, творческая стихия безгранично широка и разнообразна – от графоманских или наивно-неумелых опусов до прекрасной, тончайшей поэзии и прозы, отражающей дух времени, его тайную мелодику. И вся эта безграничная ширь практически не структурирована ни по качеству, ни по степени общественного значения. Но процесс структурирования подспудно уже идёт, потребность в нём велика, и это показывает, насколько мы нуждаемся сейчас в консолидации сил.

Безусловно, вопрос формирования корпуса произведений современной национальной литературы сегодня более чем актуален, но не менее актуален и другой вопрос: как быть с теми, кто ощущает свою прямую причастность к литературе, но общественно значимых произведений создавать не может в силу масштаба своего дарования? Сказать им: спасибо, ребята, все свободны? Сегодня, в ситуации обострённого до крайности гуманитарного кризиса, который прежде всего является кризисом

смыслотворения, и уже только потом обращиваются проблемами во всех остальных сферах жизни и деятельности?

Двух ответов на этот вопрос быть не может. Смысловой капитал, которым мы обладаем в силу традиционной словоцентричности нашей культуры, не просто драгоценен. Вполне возможно, дело в результате последних событий повернётся так, что только он и окажется нерастраченным, только его и будет возможно положить в основу порядка жизни, целеполагания и принципов деятельности. Но не будем вспоминать неизбежное «В начале было Слово» – может быть, лучше посмотреть, как это приложимо к повседневной творческой практике.

Не секрет, что современное образование нацелено прежде всего на усвоение готовых смыслов и форм. Эту магистральную инерцию более или менее успешно преодолевают отдельные, единичные педагогические направления или немногочисленные яркие авторские методики, что в целом на ситуацию в общем образовании влияет мало.

Модный принцип «угадайки» (вариант выбора из пакета готовых ответов) сводит на нет умение человека мыслить, конструировать смыслы самому и словесно их формулировать. И в этой ситуации литературно-творческое образование, как стихийно-самодеятельное, так и профессиональное, – одна из немногих имеющихся возможностей, или даже альтернативная возможность обучения смыслотворению. Ведь смысл – это духовная, идеальная основа как любого вида деятельности, так и существования в целом, а обесмысливание – даже не очень изощрённый теперь способ уничтожения как общества, так и человека. А литература была и остаётся искусством – да, слова, но прежде всего – смысла.

И здесь очень важно отметить, что данный подход к проблемам литературно-творческой педагогики совершенно исключает расхожие рецепты типа «как за 10 уроков освоить писательское мастерство», «как в три присеста написать роман, а в четвёртый его выгодно продать», или «давайте я подробненько расскажу вам, как я стал поэтом, а вы мне за это заплатите и тоже станете поэтами». Столь же бессмысленно в рамках литературных курсов повторение основ стихосложения, напрочь забытых после окончания шестого класса средней школы...

Все эти коммерческие проекты не имеют ничего общего с настоящей литературной учёбой, но само их появление в столь большом количестве, и даже очевидная востребованность в последнее время – означает, что у многих пишущих есть насущная потребность не просто графомански множить километры текстов и реализовывать затем свои непомерные творческие амбиции – они хотят большего, и при ближайшем рассмотрении это желание зачастую вызывает чувство уважения.

Стремление учиться литературному мастерству – это в определённой степени проявление личной ответственности за слово, это желание осознать,

осмыслить своё во многом интуитивное творчество. Это, в конце концов, желание создавать жизненные смыслы – и расширять круг людей, для которых эти смыслы могут быть необходимы. А общая ситуация и в стране, и в мире такова, что подобная деятельность становится ценной вне зависимости от её масштаба: звучит ли голос принародно и всенародно или освещает и согревает пространство даже хотя бы одной человеческой жизни.

Итак, мы видим, что в текущей ситуации в равной степени важно развивать два различных уровня литературно-творческого образования: профессиональный – для создания и поддержания национально значимого литературного творчества, и самодеятельно-массовый – для обучения навыкам смыслотворения как можно большего количества наших сограждан.

Поскольку цели того и другого обучения различны, существенно различаются и задачи. И начинать разговор об этом, пожалуй, следует именно с самодеятельно-массового творчества – не только по причине его широкой распространённости, особенно в кризисные периоды, но и потому, что по своей сути оно всегда остаётся «вторым эшелонном» национальной литературной жизни.

Одна из первых задач в этой форме работы – вовлечение в учёбу как можно большего количества не только пишущих, но и читающих, думающих людей. Поэтому традиционные аудитории самодеятельных литературных объединений желательно постоянно расширять за счёт читателей, участников творческих встреч, просто активных думающих людей. Многие из тех, кто не помышляет о литературной работе, а просто заинтересован в саморазвитии, прибегают в качестве инструмента этого развития к слову. И значит, они тоже являются драгоценной целевой аудиторией.

Вторая задача – дать понимание общекультурной ситуации, «карту местности». Имея ориентиры – пусть и наиболее общие, – человеку гораздо легче выстраивать личную творческую стратегию, и она при этом становится гораздо продуктивнее. Стоит заметить, что зачастую в самодеятельных литературных сообществах творческие амбиции выстреливают «вбок» и задевают тех, кто рядом.

Если эти амбиции изначально направить на высокие цели, «вверх», они реализуются с немалой пользой – для самого автора, для коллектива литобъединения, для родного города... Важно, чтобы цели выбирались не наугад, а с открытыми глазами, с пониманием происходящего в культуре и обществе.

Третья задача – при условии поступательного решения первых двух – обучение навыкам смыслообразования. Разумеется, здесь у каждого участника подобных занятий вступают в силу индивидуальные возможности и индивидуальные пределы этих возможностей. Здесь объективное и не всегда преодолимое препятствие: кто-то станет открытием для себя и других, а кто-то так и будет писать

«поздравлялки» или скромный, очень личный «литерический дневничок».

Но, с другой стороны, именно здесь, в этой сфере любой результат – даже самый мизерный – это уже результат огромный. Сам личный, личностный переход от потребления и бесконечного прокручивания в сознании и речи готовых форм и смыслов – к первым, пусть даже не всегда удачным попыткам гармоничного смыслообразования является тем самым поворотом в мышлении, который сегодня необходим и востребован всей критической ситуацией в стране, в мире. И потому эту работу нужно вести в самых разных аудиториях – как специализированных (те же самые литературные объединения), так и неподготовленных, а особенно – среди детей и молодёжи, для которых этот навык жизненно важен.

Литературные кружки, студии, объединения должны быть в каждой школе. Литературно-творческие занятия – отнюдь не уроки литературы: у них другая цель. И уж, конечно, это не массовое выращивание писателей квадратно-гнездовым способом. Это обучение самостоятельному творческому мышлению, раскрытие возможностей родного языка, формирование индивидуальности посредством слова. Уроки литературы приобщают к национальному опыту смыслообразования, а уроки литературного творчества развивают навыки смыслообразования личного, индивидуального. И они в равной степени необходимы растущему человеку.

Не менее актуальна подобная работа в молодёжной среде, где ко всему сказанному выше в отношении детей добавляется ещё и активная творческая коммуникация, вырабатывается привычка общения внутри поколения не на уровне тусовки, а на уровне культуры, появляется азартная творческая соревновательность.

Кроме того, эктропическое – собирающее, структурирующее – воздействие творчества на личность очень важно именно в юности, исполненной самых различных противоречий, порой непримиримых и раздирающе, убийственно острых. Потому и пишут в юности многие, и сама гармонизирующая привычка к литературному творчеству порой становится спасительной.

Чем раньше начинается литературно-творческое обучение и чем шире оно охватывает пишущих, думающих, желающих себя достойно реализовать, тем быстрее мы перейдём от потребления кем-то для нас приготовленных лукавых, а зачастую и прямо опасных для жизни смыслов к сотворению собственных – личных и общественных, и обретём так необходимый нам как обществу культурно-смысловой суверенитет, а значит – и культурно-смысловую уникальность и ценность в глобальном контексте.

И вот тут становится остроактуальным вопрос профессионального литературно-творческого образования, которое только частично пересекается с филологическим, но ни в коей мере не может быть им заменено уже хотя бы по одной причине.

Филологи исследуют уже имеющийся материал – языка, речи, литературных произведений, направлений и эпох. Писатели подходят к тому же материалу с точки зрения его потенциала: они решают вопрос, что ещё может быть из него создано. Это принципиально иной подход, принципиально иные навыки и, соответственно, другой ряд задач.

Если для массовой формы учёбы важен широкий охват потенциальной аудитории, то для профессиональной – напротив, отбор: многоступенчатый, через систему семинаров со всё более и более жёсткими требованиями к форме и содержанию произведений. А возможности отбора как раз и создаёт постоянная работа объединений, студий, кружков и мастерских. Сегодняшняя практика Совета молодых литераторов Союза писателей России по созданию многоуровневой системы семинаров в определённой степени решает эту задачу. Вертикальная структура этой системы должна выводить лучших молодых авторов из всех регионов в общероссийский литературный контекст. И она должна быть постоянно действующей.

Вторая задача – та самая «карта местности», о которой говорилось ранее, но карта гораздо большего масштаба. Здесь работает простой и непреложный принцип: чем шире смысловое поле работы, чем выше ориентиры в нём, тем больше разнообразного материала для осмысления, тем значительнее задачи и больше шансов на художественные открытия, важные для большинства современников.

Идеология потребления (в том числе и готовых смыслов) неизбежно ориентирует молодого писателя на самовыражение – и при этом мало кто замечает, насколько ограничено при этом поле возможностей, насколько быстро исчерпываются варианты решения тех или иных проблем. И вслух уж точно не говорится о том, что самовыражение быстро наскучивает читателям-собеседникам, если оно не эпатажно (то есть не разрушительно). Открыть молодому писателю пространство для строительства смыслов – так можно сформулировать точнее вторую задачу работы с будущими литераторами-профессионалами.

И третья задача – создание общего поля осмысления национальных и глобальных нравственных проблем. Поля, основой, плодородной почвой которого служит живая традиция. Потому что сколь ни одинок писательский труд, национальная литература – дело общественное, коллективное настолько, что объединяет не одно поколение литераторов. Каждый видит ту или иную проблему со своей точки зрения, и каждый вносит свою лепту понимания – здесь возможны диалоги и дискуссии, главное – они должны быть: в этом многоголосом споре рождается общая истина.

Такая глубоко эшелонированная литературная работа позволит нам проходить через любые исторические испытания без риска утратить себя как культуру, как народ, как важнейшую составляющую общечеловеческого смысла.